

ПУГАЧЕВ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЙОКАИ

Выдающийся венгерский писатель Мор Йокаи (1825—1904 гг.) часто обращался в своих произведениях к сюжетам из истории многих народов. Наряду с деятелями венгерского прошлого, героями его сочинений были Мильтон и Боливар, Пугачев и Пушкин. В автобиографии Йокаи писал: «Действие моих рассказов происходит на морях и островах, в Северной и Южной Америке, в древнем и новом Египте, в Риме императоров и революционном Риме, в Париже, Лондоне, Санкт-Петербурге (здесь останавливаюсь особенно охотно), в Польше, затем в русских степях, в Сибири, на Камчатке...»¹. Его интересовали события Крымской войны, шведско-польская интервенция начала XVII в. в России, царствования Петра I, Анны Ивановны и Екатерины II. О политических и социальных потрясениях России во второй половине XVIII в. он поведал в трех рассказах. Один из них — «Дерзостный» — посвящен Е. И. Пугачеву. К теме «двух Россией», теме освободительного движения и противостоявшего ему царского деспотизма Йокаи впервые обратился в этом рассказе. Писатель явно сочувствует грозному врагу Екатерины II и крепостничества. Рассказ «Дерзостный»² был опубликован в 1864 г. в еженедельнике «*Vasárnap Ujság*» («Воскресная газета»). При сравнительном обилии иностранных исторических публикаций о Крестьянской войне 1773—1775 гг. в России, художественных произведений на этот сюжет написано мало. Заслуживает внимания лишь пьеса «Пугачев», принадлежащая перу представителя «Молодой Германии» К. Гуцкова и изданная в 1845 году. Но если трагедия Гуцкова получила довольно широкое распространение³, то этого нельзя сказать о рассказе Йокаи.

¹ M. Jókai. Önéletirásom. «Összes Művei». Nemzeti kiadás, 100 köt., 148—149. old.

² M. Jókai. A vakmerő. «Összes Művei». Nemzeti kiadás, 25 köt., 306—336. old. Исследователь венгерско-русских культурных связей Ж. Зельдхей-Деак упоминает об этом рассказе под заглавием «Отважный» (см. Ж. Зельдхей-Деак. Россия и русские в творчестве М. Йокаи. «Этюды о Венгрии». Будапешт. 1972, стр. 115). Слово «vakmerő» правильнее переводить как «дерзостный». «Дерзкий», «дерзость» — не раз употребляет А. С. Пушкин эти слова в отношении Пугачева (см. «Словарь языка Пушкина». Т. I. М. 1956, стр. 634—635).

³ К. Гуцков. Пугачев. Пггр. 1918; ср.: В. В. Мавродин. Крестьянская война в

Рассказ «Дерзостный» созвучен с новеллой того же автора «Государыня», в которой освещены события, связанные со временем восшествия на престол Екатерины II. Таинственные обстоятельства гибели Петра III, отмечается в рассказе «Дерзостный», привели к появлению самозванцев, выступление которых явилось прелюдией грандиозного народного восстания: «Пять царей Лжепетров появились подряд в отдаленных провинциях великой Российской державы... они собирали армию, занимали города, прогоняли чиновников, ставя на их место новых. Против них направляли войска, и если один был подавлен... в другом конце страны уже появлялся новый царь Петр, подымал мятеж, собирал войско, устрашая двор, погрязший в кутежах, и так без конца. Убитый муж оставался непохороненным. Сегодня где-то положили его в землю, а завтра же за сотни верст он опять воскресал, крича: «Я еще живу!.. Сто жизней было у него!».

Появление нового самозванца показано на фоне казачьего возмущения на Яике. Раскрываются причины недовольства казачества и формы его проявления. «После того, как пять Лжепетров ушли тем же путем, каким был отправлен подлинный царь, явился шестой. Страшнейший. Храбрейший. Его имя будет занесено на вечные времена в летописи русского народа; это послужит ужасным уроком тем, кто не желает учиться. Это имя — Емельян Пугачев». Но действует Пугачев, оказывается, только руководствуясь личными мотивами. Начинается рассказ с описания сцены в Петербурге, когда Пугачев, увидев царицу, задумал дерзкий план — объявить себя законным мужем Екатерины II. При этом он представлен в качестве казачьего атамана, возведенного в офицерский чин за геройское поведение во время Семилетней и русско-турецкой войн. В прошлом же Пугачев — «простой казак с Дона», отличавшийся во время службы в армии «исключительной физической силой, необычным природным умом и находчивостью». Вознесенный в дальнейшем на гребне народного движения, Пугачев становится выразителем интересов широких масс крепостного крестьянства, в котором «сорок миллионов рабов-илотов видели своего избавителя».

России в 1773—1775 годах. Л. 1961, стр. 275—276.

Основное внимание автора сосредоточено на описании военных действий Крестьянской войны. Отличается исторической достоверностью рассказ о появлении Пугачева на хуторе, где жил М. Кожевников; о его агитации среди казаков и раскольников; о военных действиях под Яиком, о взятии Илецкого городка, а также крепостей Рассыпная, Нижне-Озерная, Татищева, Чернореченская, Пречистенская и об осаде Оренбурга. Насколько храбры и бесстрашны Пугачев и его соратники, продолжает автор, настолько трусливы и нерешительны царские военачальники. Императрица, напуганная массовым народным выступлением, с наигранным презрением иронизирует по поводу «маркиза» Пугачева и его супружеской привязанности к ней. Особо достается в новелле генералу В. А. Кару, позорно бежавшему с театра военных действий. Писатель верно подмечает, что уже первые впечатления не в меру самонадеянного генерала при встрече с повстанцами пошатнули укоренившиеся в Петербурге представления о «мятеже» и опровергли его собственную концепцию ведения карательных операций. «Генерал Кар поразился,— читаем в рассказе,— когда вместо мнимого сброда увидел перед собой настоящую армию, разбитую на полки и оснащенную артиллерией... Он наблюдал, как презренный сброд в регулярном порядке приближался со штыками наперевес к его собственным полкам, и увидел, с каким хладнокровием действовали под пушечным обстрелом целые полки повстанцев. Он убедился в отчаянной их решимости при наступлении на укрепленные позиции. Оказалось, что встретил он вместо разбойников настоящих героев».

Подробно говорится в «Дерзостном» об участии в восстании Пугачева татар, башкир и других народностей Поволжья и Приуралья. Уделено внимание действиям рабочих людей и мастеровых. Подчеркивается, что повстанцы сумели превратить уральские заводы (почти все они названы) в опорные пункты движения. Далее идет речь о карательных операциях П. М. Голицына, А. И. Бибикова и особенно И. И. Михельсона, а также о штурме Казани и о сражении у Царицына. Здесь, по мнению писателя, повстанцы были близки к победе, и лишь решительность, проявленная Михельсоном, определила исход боя. В соответствии с исторической действительностью подчеркивается, что неудача под Казанью не сломила сил восставших, а их отступле-

ние одновременно расширяло территорию, охваченную войной, вовлекая в нее все новые массы. Мысль А. С. Пушкина о том, что бегство Пугачева «казалось нашествием», своеобразно отражена и в рассматриваемом рассказе: «Была освобождена Казань, но не Российское государство. Сотню раз прижатый к земле, Пугачев поднимался и в сто первый раз». Описание грозного восстания крестьян с точки зрения исторической достоверности — одно из лучших в произведении. «Крестьянство восстало,— пишет автор,— и взялось за истребление дворян. В округе на сто верст все помещичьи имения были уничтожены, города один за другим открывали ворота перед самозванцем. По мере его продвижения росла повстанческая армия, неся к воротам Москвы красные знамена восстания. На своем пути Пугачев занимал крепости, превращал в руины города, уничтожая посланные против него военные части».

Иногда в изложении Йокаи странно звучит применяемая им транскрипция названий и имен. Но вместе с тем поражает точность географических наименований, осведомленность его при характеристике участников событий. Из соратников Е. И. Пугачева названы И. Н. Зарубин-Чика, И. Н. Белобородов, Салават Юлаев. В рассказе выведены обе жены Пугачева, которые сыграли заметную роль в судьбе предводителя восстания. Описана встреча его с первой женой при взятии Казани, когда та узнает мужа, Пугачев же велит позаботиться о ней, говоря, что это жена его товарища. Писатель понимает политическую подоплеку брака Пугачева со второй женой, У. П. Кузнецовой, обеспечивавшего поддержку восстания казачеством и усиление позиций казачьей верхушки. Достоверность большинства исторических фактов в рассказе наводит на мысль, что в распоряжении автора были и русские источники. Вместе с тем при создании образа Пугачева писателю помогло и глубокое знание венгерского исторического опыта.

В 1857 г. Йокаи написал трагедию «Дьердь Дожа», в которой образ предводителя крестьянской войны 1514 г. в Венгрии изображен с большим сочувствием. Пьеса, считающаяся лучшим его драматическим произведением, имела серьезный успех. Но консервативная критика обвинила автора в подстрекательстве к бунту, в подогревании классовой ненависти, и трагедия была снята с репертуара. Обращаясь к Пугачеву, писатель обнаружил его родство с Дожей.

При этом в рассказе подчеркнуты сходные моменты жизненных путей вождей двух крестьянских войн: происхождение из народа; повышение в чине за участие в борьбе с внешним врагом; трагический финал. Рассказ «Дерзостный» не служил ранее предметом специального разбора у исследователей творчества венгерского автора. Об этом рассказе упоминал в статье «Йокаи и русские» буржуазный литературовед О. Элек, который отмечал, что автор «почти с верностью хрониста изображает героический путь Пугачева, его победы и многочисленные неудачи»⁴. В недавно вышедшей статье Л. Форгача «Йокаи и русская литература» ставится вопрос об источниках рассказа и указывается, что он отражает знакомство с «Историей Пугачева» А. С. Пушкина. Использование пушкинской «Истории» Форгач усматривает в описании действий Михельсона, в освещении отдельных сражений и в характеристике самого Пугачева⁵. По-видимому, Йокаи был знаком с историческим трудом Пушкина (к тому времени он был опубликован в переводе на немецкий и французский языки). При этом с определенной долей вероятности можно утверждать, что изображение вождя крестьянского восстания в «Капитанской дочке» также оказало влияние на Йокаи. Венгерский перевод пушкинской повести появился несколько раньше «Дерзостного», в январе — феврале 1864 г. на страницах одной газеты⁶.

Основной фактический материал Йокаи заимствовал не из произведений Пушкина, хотя и А. С. Пушкин и М. Йокаи пользовались, вероятно, одним и тем же источником. Такая гипотеза оказалась плодотворной для дальнейших поисков. Поскольку Йокаи не знал русского языка, следовало проверить иностранные источники «Истории Пугачева». Наше внимание привлекла фигурирующая у А. С. Пушкина «Краткая историческая записка Histoire de la révolte de Pugatschef», так как факты, приведенные им с ссылкой на этот источник, встречаются и в рассказе Йокаи. Пушкин иногда полемизирует с автором записки, но называет ее «замечательной» и считает, что она «вероятно, составлена дипломатиче-

ским агентом, находившимся в то время в Петербурге»⁷. Автор «Истории Пугачева» не уточняет выходные данные записки, но советские исследователи А. И. Чхейдзе и Г. Б. Блок установили, что она была опубликована в Париже в 1799 г. как составная часть анонимного сочинения «История русского императора Петра III» под заглавием «Волнения по случаю свержения с престола Петра III. История Пугачевского восстания»⁸. Ознакомление с этой запиской не оставляет тени сомнения в том, что именно она явилась основой для рассказа Йокаи.

Г. Б. Блок отмечает, что Пушкин почерпнул из того же источника немало фактического материала, особенно при написании им шестой главы «Истории Пугачева», где, по подсчетам исследователя, более половины сведений «обязаны своим происхождением этой статье»⁹. Г. Б. Блок установил и фамилию составителя книги (им оказался ученый и журналист «якобинского толка» Ж.-Ш. Лаво), а также и то, что указанный отрывок — перевод анонимной немецкой статьи, опубликованной в Галле в 1784 году¹⁰.

Анализ этой статьи позволил Г. Б. Блоку прийти к выводу, что «перед нами ... научное исследование, написанное на основании архивных первоисточников человеком, жившим в то время в России и хорошо знавшим русские условия; высказывая предположение, что автором мог быть живший в России известный историк Г. Ф. Миллер, исследователь считает: «Хотя статья была напечатана в Германии на немецком языке, однако писалась она в России русским подданным на основе одних только русских материалов. Таким образом, при оценке этой статьи как исторического источника мы обязаны признавать ее источником не иностранным, а русским»¹¹.

Венгерский автор, как и А. С. Пушкин, пользовался несколько измененным и допол-

⁴ O. Elek. Jókai és az oroszok. «Budapesti Szemle», 1924, 110—127, 206—228. old.

⁵ L. Forgács. Jókai és az orosz irodalom. «Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. I kötet. Budapest. 1961, 500. old.

⁶ A. Puskin. A kapitány lánya. «Fővárosi Lapok», 1864, №№ 19—30.

⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 1. М. 1950, стр. 100—101.

⁸ «Troubles à l'occasion du détronement de Pierre III. Histoire de la révolte de Pugatschew». «Histoire de Pierre III, Empereur de Russie». Vol. II. P. 1799, pp. 255—360.

⁹ Г. Б. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.-Л. 1949, стр. 119.

¹⁰ «Zuverlässige Nachrichten von dem Aufrührer Jemelian Pugatschew und der von demselben aufgestifteten Empörung». «Magazin für die neue Historie und Geographie», Bd. XVIII, 1784.

¹¹ Г. Б. Блок. Указ. соч., стр. 94, 104.

ненным французским текстом статьи. Так, факт чеканки Пугачевым монет с подписью «Redivivus et ultor» (воскресший и мстящий), достоверность которого оспаривал Пушкин, венгерский романист мог привести, лишь привлекая французский вариант. Оттуда взято и то, что Екатерина II называла Пугачева «маркизом» (она действительно именовала его так в письме к Вольтеру). Йокаи повторяет ошибки, встречающиеся в обоих вариантах статьи. Например, вторая жена Пугачева Устинья Кузнецова фигурирует у него под именем Ульяна. В некоторых случаях ошибки прямо заимствованы из французского текста. Так, французский переводчик дважды принял готическую букву «R» за «K». В результате историк П. И. Рычков (отец путешественника Н. П. Рычкова) оказался Кичковым, а крепость Рассыпная — Касипной. Эти же ошибки повторяются у Йокаи. Но иногда осведомленность писателя позволяет ему избежать ошибок французского варианта. Например, отвергается небылица о службе Пугачева в прусской армии. Вместо этого говорится о его участии в Прусском походе 1757—1758 годов. В отдельных случаях ошибки были допущены по вине автора. Так, в результате описки оренбургский губернатор Рейнсдорп в рассказе фигурирует как Рейнсбург. В целом же рассказ Йокаи о Пугачеве отражает правду истории, и это обусловлено качеством имевшегося в его распоряжении материала.

Сопоставление «Дерзостного» и произведений гениального русского поэта о Пугачеве, при всех их глубоких различиях, вполне правомерно. Их роднит не только тема, но и общность использованного источника. Это определяет отмеченные многочисленные фактические совпадения, особенно в характеристике действий Михельсона. Последнему отведено много места и у Йокаи. Вместе с тем автор делает попытку раскрыть причины неудач восстания. Правильно подмечена им ошибка Пугачева, отказавшегося идти на Москву, где, по словам рассказчика, «сто тысяч крепостных рабов ждали его появления, чтобы свергнуть ярмо высшего дворянства и создать на обломках старой Российской державы новую». Эта ошибка связывается с двумя обстоятельствами, определившими в конечном счете исход движения. Согласно концепции автора, в ходе восстания произошло перерождение его верхушки, создалась своеобразная новая аристократия.

Так, Чика был возведен в фельдмаршалы; Белобородову присвоен графский титул; Салават Юлаев назначен «князем башкирской земли». Более того, соратники Пугачева надевали на себя не только мундиры, но ордена и медали царских генералов, а сам он чеканил денежную монету. В результате этого возвышенный «роман восстания Пугачева превратился в пародию царствования», — заключает автор.

Второе обстоятельство, повлиявшее на исход движения, — это женитьба Пугачева. Поскольку в авторском изложении отцом Ульяны является Салават Юлаев, постольку укрепляется влияние упомянутой новой верхушки, не заинтересованной в походе на Москву и в уничтожении высшего дворянства. Вместе с тем роковой брак служит здесь как бы развязкой незатейливой фабулы: связав себя семейными узами с простой женщиной, Пугачев тем самым изменил заветной цели занять царский престол и стать законным мужем Екатерины II. «Вместо того, чтобы двинуться к незащищенным столицам Российской державы, — говорится в рассказе, — он приступил к осаде укрепленных крепостей. Вместо того, чтобы преследовать заветную мечту, он спустился на землю, связав себя с заурядной женщиной». Но рассказ Йокаи при всех его недостатках выгодно отличается от многих тенденциозных сочинений иностранцев о России и ее историческом прошлом. По своей исторической достоверности он занимает почетное место среди произведений писателя на тему о России. Изучение Йокаи крупнейшей классовой битвы в истории России XVIII в. позволило ему увидеть те силы русского общества, которые вели упорную борьбу с крепостничеством. В этом отношении интересна мысль о России, высказанная Йокаи в 1867 г., то есть спустя три года после создания «Дерзостного»: «Русское правительство — это кнут, сибирские рудники и писанные кровью указы, но русская нация питает стремление к свободе, .. она имеет замечательную литературу, вдохновенные представители которой борются за общечеловеческие цели, за великие идеалы нашей эпохи»¹².

Тема Пугачевского восстания присутствует и в последующих произведениях Йокаи о России — в романе о декабристах «Свобода под снегом» и в романе «Афанасия».

¹² Цит. по: Ж. Зельдхейи-Деак. Указ. соч., стр. 117.

В целом «Дерзостный» расширяет и дополняет наши сведения об иностранных откликах на Крестьянскую войну 1773—1775 годов. Он свидетельствует о том, что это событие оставило след в общественном сознании не только в нашей стране. Выяснение источника рассказа позволяет судить о тонких, подчас еле ощутимых нитях, сплетающих культуру разных стран и народов, о

постоянных взаимосвязях между ними. Это произведение заслуживает внимания как одно из немногочисленных воплощений образа Пугачева в зарубежной литературе и как интересный памятник до сих пор мало изученной истории культурных связей между народами России и Венгрии.

Я. И. Штернберг